

ДЫСКУСИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 2

РИЕР Я. Г.

ТЕОЛОГИЯ – ЭТО НАУКА? КРАТКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ

На фоне краткого анализа интервью петербургского физика и теолога К. Копейкина рассматривается проблема соотношения теологии и науки. Респондент считает теологию формой познания мира и, одновременно, признанием сложностей этого познания. Автор, признавая такую трактовку, все же отказывается причислить теологию к собственно научным дисциплинам.

Ключевые слова: теология, философия, схоластика, наука, интеллектуалы.

Rier Y.G. IS THEOLOGY A SCIENCE? SHORT REFLECTIONS ON THE TOPIC.

The problem of theology and science correlation is discussed considering an interview with a physicist and theologian from St. Petersburg K. Kopeykin. The respondent treats theology as a form of the world cognition and, at the same time, as the evidence of the difficulties involving this cognition. The author of the article admits such treatment but refuses to rank theology among scientific disciplines.

Keywords: theology, philosophy, scholasticism, science, intellectuals.

Недавно на сайте polit.ru прочитал интервью с кандидатом физико-математических наук, кандидатом богословия, доцентом Санкт-Петербургской духовной академии и, одновременно, директором Научно-богословского центра междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, настоятелем храма при указанном университете протоиереем Кириллом Копейкиным. Речь идет о современной теологии¹.

Интервью заинтересовало меня именно рациональным подходом к проблеме. Специалист по квантовой физике рассуждает о наличии Бога через представления о Вселенной, Космосе. При этом мнение о противоположности науки и религии он относит к советской привычке, возникшей в том числе и потому, что наука [очевидно, в современном понимании. – Я. Р.] была привнесена с Запада в Россию Петром I, когда в стране не было даже системы среднего образования, а не только высшего. В итоге наука в России стала восприниматься как нечто чуждое, несовместимое с православием.

Представляется, уважаемый респондент упростил ситуацию. Русские православные люди массами ездили на Запад совершенствоваться в науках и возвращались назад, не теряя своей православной идентичности. Скорее, сыграло роль другое обстоятельство. Средневековые европейские Studia generale вырастали прежде всего из богословских факультетов, в которых сложилась основа университетского образования – схоластика (и как метод получения знаний, и как система знаний, опиравшаяся на принятые в христианстве представления о мире). Представления эти исходили из наличия Творца, создавшего вещный мир со всеми его правилами и функциями. Людям, кстати, тоже Божьими созданиями, оставалось лишь жить в этом мире, а наиболее любознательным – интеллектуалам – стремиться познать его отдельные черты и свойства, чем схоласты – университетская профессура – старательно занимались. При

¹ Современная теология должна измениться. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polit.ru/article/2016/05/28/kopeykin_interview/

этом предпочтение отдавалось общим проблемам мироздания, в том числе и потому, что земной, материальный мир по определению преходящ, конечен, смертен (живые организмы) и потому не достоин изучения. Изучать надо вечное, то есть небесное.

Эту максиму обосновал еще в VI в. н.э. римлянин Боэций. Не будучи христианином, но приговоренный к смерти варваром Теодорихом (кстати, по ложному обвинению), он последние месяцы жизни в темнице, в ожидании казни, обращался к непреходящим истинам, противопоставив их скоротечным земным. Само название получившегося сочинения – “Утешение философией” объясняет состояние и направление мысли этого человека.

Представленная концепция обращения к идеальному вполне вписалась в христианские представления, незадолго до Боэция сформулированные другим римлянином – Аврелием Августином, который в зрелом возрасте разочаровался в материальном мире и после серьезной болезни принял христианство. В своем знаменитом “Граде Божьем” он противопоставил идеальный небесный град земному Вавилону. Августин исходил из отрицания римской потребительской цивилизации, приведшей империю к гибели, в чем опирался на одну из основ христианства – учение греческих стоиков и киников и сложившуюся на его основе концепцию аскетизма – отказ от земных ценностей как греховных.

В сущности, Боэций пришел к тем же взглядам, но с другой стороны: не на основе веры, а с помощью римской рациональности, обосновав в своем трактате круг того, что достойно изучения образованными людьми. Таким образом он обозначил круг тем, которые и стали изучать средневековые интеллектуалы. Тем самым схоластика оказалась замкнутой на общих рассуждениях, составлявших предмет тогдашней христианской философии – богословия. Материальный же мир был выведен за рамки интеллектуального анализа.

Лишь отдельные представители средневековых образованных кругов пытались выходить за эти рамки. Можно вспомнить ибн Рушда², Сигера Брабантского, Роджера Бекона, позднее – Бенедикта Спинозу, признававших, в той или иной форме, параллельное существование божественной и естественной, (природной) среды³. В Новое время в силу естественного интеллектуального развития университетских элит и накопления знаний об окружающем мире предметом их интересов стал материальный мир, живая природа, изучение которой вытеснило из университетов схоластику и придало им современный облик⁴.

Но наличие богословия как формы интеллектуальной деятельности осталось по традиции и, скорее, воспринимается как форма творчества, для которой в университетах есть своя ниша. Тем более что изучение теологических концепций вполне вписывается в общефилософский дискурс, сохранивший в современной высшей школе свой особый статус, что отражается в известной ученой степени – доктор философии (PhD).

Советское общество, продолжает К.Копейкин, выросло на научном атеизме – доказательстве отсутствия Бога. Эту мысль образно выразил в недавнем прошлом известный кинорежиссер Эльдар Рязанов, заметивший, что все мы атеисты по воспитанию: нас с детства убедили, что Бога нет. Естественно, не было его и в университетской

² В Европе известный как Аверроэс, мусульманин, живший в арабской Испании, перенесший аристотелевские принципы в средневековую Европу, дуалист по сути, создавший соответствующую концепцию – *аверроизм*. Последователем его был христианин Сигер Брабантский.

³ За такие воззрения они и их последователи подвергались различным рода преследованиям.

⁴ Кстати, как подчеркивает сам физик-богослов К. Копейкин, Галилео Галилей был наказан церковью не за поддержку идей Коперника, а вообще за то, что стал что-то доказывать в представлениях о Божьем мире. По замечанию автора, точно так же Галилея могли наказать и за поддержку птолемеева учения, если бы он попытался его научно обосновывать.

среде. Профессиональное религиозное образование оказалось в СССР изолированным от иной интеллектуальной деятельности, что, кстати, сказалось и на его уровне. Не зря наиболее значимые религиозные мыслители в Советском Союзе выходили из круга светских ученых, получая соответствующее образование, и затем проявляли себя в разных научных сферах, как и упомянутый в интервью известный византист С.С. Аверинцев. Кроме того, нынешние критики включения теологии в систему образования и ученую среду, замечает Копейкин, помня советский опыт, “когда нужно было Маркса и Энгельса цитировать, в том числе и в научных работах”, боятся его возвращения, “только вместо людей с красными флагами будут люди в черных рясах”.

Однако проблема не только в опасениях появления нового идеологического покрывала на интеллектуальную деятельность. Кстати опасения не беспочвенные, учитывая нашу традицию формировать единомыслие в общественном сознании. Проблема в том, насколько действительно религиозное сознание сопрягается с научным.

Полагаю, едва ли требует доказательств определение науки как системы верифицированных знаний (в разных сферах) и религиозного сознания как формы априорного представления о мире, не требующего доказательств. Максима Тертуллиана “верую, ибо абсурдно” (упрощенный перевод), высказанная почти 2 тысячи лет назад, остается краеугольным камнем религиозного восприятия окружающего пространства.

Респондент углубляется в тонкие сферы познания. Он справедливо указывает на то, что сложные законы мироздания мы наблюдаем изнутри этого мира, а божественное надо воспринимать извне, что, естественно, невозможно, потому и появляется потребность в Боге. Но это – именно то, что отделяет научный поиск от религии, которая формирует целостную картину мира, которую надо принимать как данность, без анализа. И следовать наставлениям Высшего, трансцендентного Существа. Теология, в данном случае, является способом, с помощью научного инструментария (как в средневековой схоластике), обосновать для интеллектуалов то, что для обычных верующих и так понятно, как образно сформулировал еще упомянутый Тертуллиан.

Респондент сообщает, что, придя к вере, он обрел цель жизни. Очевидно, как и многие ученые-естественники, углубившись в познание материи и увидев ее реальную неисчерпаемость, он стал искать точку опоры. Вспоминаются слова одного физика: “мир столь совершенно организован, что нельзя представить его без Творца”. Думается, в этом проявляется определенный страх перед бездной, которую представляет собой материальный мир. Действительно, как реально представить бесконечность Вселенной? А бесконечность микромира, для изучения которого физики придумывают все более изощренные методы и дорогостоящие приборы?

Может, правы пантеисты: Бог во всем. Кстати, это одна из концепций суфиев (суфитов), за что в исламе к ним относятся весьма критично. Образно такое представление продемонстрировано в фильме Андрея Тарковского “Солярис”, где мыслящая материя изображена в виде некоего аморфного океана. Но именно материя, которая, однако, доступна изучению. Естественно, при наличии соответствующих инструментов. Оглядываясь на историю человеческого познания, можно увидеть прогрессирующее развитие этих инструментов. Хотя, вероятно, исчерпать бесконечность мира невозможно: познание также бесконечно, что, очевидно, ставит многих интеллектуалов в тупик.

Теология же устанавливает предел познанию, замыкая его на Высшем Разуме и ограничивая возможности человеческого интеллекта. Поэтому, полагаю, по большому счету, если теологию считать наукой, то только в историографическом аспекте, как способ и форму изучения истории религиозной мысли.